

Глава 23 Простуда

Сяо Жун сохранял невозмутимость, достойную умудренного годами старца.

Раз он хранил молчание, Гао Сюньчжи пришлось взять удар на себя. Канцлер взывал к чувствам, опирался на логику, но Цюй Юньме попросту не обращал на него внимания.

«Опять за своё! — Гао Сюньчжи едва сдерживал гнев. — Ну и упрямец!»

Советников больше всего заботили знамения и несчастливая судьба города, тогда как Юань Байфу и другие генералы видели иную проблему — отсутствие естественных преград. С их точки зрения, выбор Чэньлю был равносильным добровольному уходу в могилу.

Четверо полководцев и канцлер — пятеро против одного. Разумеется, Цюй Юньме не мог переспорить их в красноречии, но у него был иной, куда более веский аргумент.

С оглушительным грохотом Великий ван обрушил ладонь на стол. Преисполненный ярости, он прорычал: — Моё решение окончательно! Кто посмеет и дальше перечить мне — останется в заставе Яньмэнь простым караульным!

Пятеро оппонентов замерли, лишившись дара речи.

«Вы издеваетесь?! — читалось в их глазах. — Где хоть капля разума?»

Наблюдая за этой сценой, Сяо Жун лишь горько усмехнулся про себя.

«Очевидно же — разум здесь и не ночевал»

Бросив эту угрозу, Цюй Юньме резко развернулся и покинул зал. Оставшиеся лишь растерянно переглядывались, не в силах скрыть тревоги. Им оставалось только бессильно качать головами. Что они могли поделать, если государь не желал их слушать?

Сяо Жун, подперев подбородок рукой, внимательно изучал лица этой пятёрки. Несмотря на беспокойство, в их глазах не было затаённой обиды — видать, либо уже привыкли к крутому нраву вана, либо умело прятали свои чувства в глубине души.

Юноша тряхнул головой и поднялся. Лишь Юй Шаосе заметил его движение и хотел было спросить, куда тот направился, но Сяо Жун уже легкой, пружинистой походкой вышел вон.

Вскоре он обнаружил Цюй Юньме на стрельбище. Найти этого человека было проще простого: стоило ему разгневаться, как он отправлялся либо на тренировочный плац, либо на саму

заставу.

Цюй Юньме выпустил пять стрел одну за другой, и каждая вонзилась точно в центр мишени. Он уже давно уловил шаги за спиной и знал, что это Сяо Жун. Поэтому, выпустив последнюю стрелу, он опустил тугой лук и обернулся, с ходу обрушившись на советника: — Почему ты молчал в зале?

Сяо Жун замер. В голосе государя ему внезапно послышались нотки едва скрываемой обиды.

Помедлив, юноша ответил: — Потому что в их словах была истина.

Для Цюй Юньме такой ответ был неприемлем. — Истина?! И что с того? Твои речи обычно тоже полны смысла, но это не мешает тебе спорить со мной часами напролёт!

Сяо Жун невольно дёрнул углом рта. — Разве можно сравнивать? — уклончиво произнёс он. — Великий ван — это Великий ван, а они — это они.

Цюй Юньме замер на мгновение, и это объяснение, кажется, его вполне удовлетворило. — И всё же, перенос столицы в Чэньлю был твоей идеей. Тебе следовало поддержать меня.

Сяо Жун посмотрел на него и мягко возразил: — Я лишь предложил Чэньлю как вариант, но никогда не утверждал, что это единственный путь. Сановники правы: судьба последнего Чэньлю-вана была...

Услышав это, Цюй Юньме снова вспыхнул: — Я — Чжэньбэй-ван!

Сяо Жун замолчал, глядя на него с немим укором.

Государь не только злился, но и искренне не понимал: как человек может так быстро менять своё мнение о собственном же предложении? — Неужто и ты веришь, что стоит мне сменить столицу, как я повторю бесславный путь императора Тайнина?!

Сяо Жун уверенно покачал головой: — Ни за что на свете.

Цюй Юньме, всё ещё раздосадованный, не слишком поверил этой уверенности. — И откуда в тебе такая твёрдость? — с иронией спросил он.

Сяо Жун ответил так, будто это было само собой разумеющееся: — Потому что рядом с вами буду я. Я никогда не позволю Великому вану дойти до края. Если кто-то и решится встать у меня на пути, ему придётся переступить через моё мёртвое тело.

Цюй Юньме замер. Его губы едва заметно дрогнули, словно он хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. Он внезапно почувствовал себя неловко, не зная, куда деть руки.

«Вздор! — билось в его мозгу. — Безумные речи! Пустословие!»

Как он, могучий воин, дошёл до того, что его обещает защищать этот бледный и немощный юноша?

Пустозвон! Ему бы не речи толкать, а делом заняться — хворь свою вылечить. Вот когда перестанет походить на смертника, тогда, быть может, его словам можно будет верить.

Эти мысли вихрем пронеслись в голове государя, и он, наконец, обрёл привычную суровость. — Ну и пусть там нет гор и рек! Пока я там, я сам — неприступная твердыня для столицы. А что до знамений... Я уже говорил: подобные речи сеют смуту, и я не потерплю их в своих войсках. Под небесами Чжунъюаня нет клочка земли, который бы не видел крови или беды. Если всего избегать, то останется только в горах прятаться. К тому же, если уж на то пошло, Чанъань, где император Тайнин взошёл на трон и где встретил свою смерть, куда более несчастливое место. Но об этом они почему-то помалкивают.

Сяо Жун тут же заплодировал: — Истинная правда! Великий ван зрит в корень. Почему же вы не сказали этого раньше?

Цюй Юньме замаялся, вспоминая недавнюю сцену в зале. — Они меня раздражали. Не было ни малейшего желания вести с ними чинные беседы.

У Сяо Жуна едва не дёрнулся глаз от такого признания. Кое-как сохранив на лице выражение благожелательности, он продолжил наставлять государя тоном терпеливого учителя: — Четверо генералов и канцлер Гао — ваши самые преданные люди. Они прошли с вами долгий путь. Если государь сумеет убедить их доводами разума, они примут это с открытым сердцем. Победа, одержанная словом, а не мечом, — вот признание истинного величия. Разве Великий ван не согласен?

Цюй Юньме посмотрел на него с сомнением. В глубине души он считал иначе: зачем убеждать, когда можно заставить подчиниться силой? Долгие речи лишь отнимают время и силы — только книжники способны на такую чепуху.

Но Сяо Жун мягко улыбался, глядя на него с такой теплотой и терпением, будто весь его мир сжался до этого ожидания ответа. — Пожалуй... в этом что-то есть, — буркнул Цюй Юньме.

Сяо Жун продолжал улыбаться, хотя про себя думал:

«"Что-то есть"? Да ты даже в такой очевидной истине сомневаешься. Неудивительно, что вокруг тебя так мало по-настоящему одарённых мужей»

Впрочем, Москва не сразу строилась. Путь преобразования Великого вана обещал быть долгим, и Сяо Жун понимал, что на это уйдут годы. То, что сегодня удалось заложить хоть какую-то основу, уже было победой.

Рассыпавшись в похвалах и обменявшись ещё парой любезностей, юноша уже собрался уходить, как Цюй Юньме окликнул его. Помедлив, государь спросил: — Ты по-прежнему считаешь, что мне нужно перенести столицу в Чэньлю?

Сяо Жун улыбнулся: — Куда бы ни направился Великий ван, я последую за ним. Чэньлю — место трудное, там всё придётся начинать с нуля, но если устоять, то и плоды будут небывалыми. Я знаю мощь государя и желаю ему лишь величия. Если ваше решение твёрдо, то я готов разделить с вами этот путь до конца.

Эти слова принесли Цюй Юньме странное успокоение. Он даже не заметил, как всё перевернулось: ведь это была идея Сяо Жуна, и это государь изначально поддержал его. Но теперь, после нескольких фраз, казалось, будто Сяо Жун идёт на жертву ради него. Великий ван внезапно почувствовал себя должником.

Суровый лик государя смягчился. — Скажи, — спросил он, — когда мы переедем, ты перевезешь свою семью?

Сяо Жун не ожидал, что тот помнит о его родных. Замерев на миг, он кивнул: — Конечно. Где ещё в подлунном мире найти место безопаснее, чем город, в котором пребывает сам Великий ван?

Цюй Юньме хмыкнул, довольный ответом. Наконец он махнул рукой, отпуская советника.

Под натиском воли государя и благодаря тонким манёврам Сяо Жуна вскоре было официально объявлено: новой столицей станет Чэньлю.

Решение было принято, но к действиям не приступали сразу. Простые воины ещё не знали о переменах. Гао Сюньчжи вместе с оравой советников дни напролёт обсуждал, что забрать с собой и сколько людей отправить в путь. Пусть эти мужи не блистали в стратегии, но с канцелярской волокитой справлялись исправно.

У Сяо Жуна была иная задача. Склонившись над картой Чэньлю, он размышлял, как превратить этот город в неприступную твердыню.

Первостепенным было укрепление обороны. Варвары Сяо Жуна не пугали: Цюй Юньме нанёс им столь сокрушительный удар, что в ближайшие годы им будет не до набегов. Оставались лишь Сяньби и Шаньшань. Первые были под неусыпным надзором всей Армии Чжэньбэй, а со

вторыми был заключён договор о ненападении. Пока Великий ван сохранял свою мощь, они не посмели бы нарушить клятву.

Следовательно, стены должны были защищать от своих — от амбициозных правителей Чжуньюаня.

То есть от сил, что копили мощь к югу от реки Хуай.

Имя Хуан Яньцзюна в списке Сяо Жуна было выделено особо. Юноша неустанно следил за каждым его шагом. Хэ Тинчжи, принц Дунъяна, пока казался менее опасным: он был хитёр, обладал малым войском и пёкся о своей славе. В истинной истории он поднял знамя восстания лишь тогда, когда Южная Юн пала. Будучи членом императорского дома Хэ, принц объявил себя мстителем за государя, что дало ему законное право на власть. И пусть отомстить убийцам ему не удалось, позже он покарал жестокого Хуан Яньцзюна, вновь заняв место на вершине добродетели, и под маской милосердия взошёл на трон.

Его болезненная забота о репутации была одновременно и силой, и ахиллесовой пятой. Пока жив юный император, Хэ Тинчжи не посмеет высунуться. Ему оставалось только ждать и терпеть. Терпеть до того дня, пока с мальчишкой на троне что-нибудь не случится.

Стратегия была верной: в смутные времена у императора было множество врагов. К тому же юный государь был неглуп и пытался спастись, что делало даже его влиятельного дядю потенциальным противником, а не союзником.

На таком троне смерть неизбежна. Вопрос был лишь в том, кто окажется достаточно глуп, чтобы первым совершить святотатство и поднять руку на помазанника Неба.

И, как ни прискорбно, в истории этим глупцом стал тот самый Цюй Юньме, которому ныне служил Сяо Жун.

«О боги... — юноша едва не застонал. — Вот почему я был в таком отчаянии, когда только попал сюда. Разве нормальный человек на такое пойдёт?»

В то время Чжэньлю-ван уже захватил половину земель Южной Юн, а армия Цюй Юньме сократилась вдвое. Окружённый врагами, вместо того чтобы искать спасения и укреплять дух воинов, он, ослеплённый жаждой мести, ворвался в императорский дворец. И обнаружив, что его враг уже мёртв, сорвал злость на императоре и вдовствующей императрице, собственноручно лишив их жизни.

В Чжуньюане узурпатор первым делом должен был выказать почтение поверженному монарху. Лишь дикие варвары вырезали императорский род без оглядки на гнев книжников. И без того дурная слава Цюй Юньме превратилась в клеймо «чужака и предателя». Он лишился поддержки народа и стал изгоем, которого мог безнаказанно проклинать любой встречный.

Именно из-за этой выходки Сяо Жун поначалу не питал к нему ни капли симпатии. В его глазах Цюй Юньме был лишь безрассудным воякой, чей крах был закономерен.

Но теперь... теперь он знал иного Цюй Юньме. Того, кто присылал ему целебные снадобья, от которых он потом неделю хлебал пустые супы для рожениц.

Стоило чувствам измениться, как и мысли утратили прежнюю однозначность. Сяо Жун больше не считал государя глупцом — он пытался понять, что толкнуло его на тот шаг.

А причиной была смерть Гао Сюньчжи.

Увидев, сколь глубока связь между Великим ваном и канцлером, Сяо Жун больше не мог его винить. Пожалуй, Цюй Юньме действительно не был рождён для трона — он слишком ценил близких. Его сердце было и слишком суровым, и недостаточно чёрствым одновременно. Он хотел защитить то, что ему дорого, но умел лишь идти напролом, не зная иных путей.

Юноша невольно вздохнул. Возвести такого человека на престол — задача не из лёгких. Всё, в чём Цюй Юньме был слаб, ложилось на плечи советника. От одной мысли о грядущем объёме работ у Сяо Жуна темнело в глазах.

Он по-прежнему ворчал и жаловался на горькую судьбу, но в душе больше не упрекал Систему за то, что та забросила его именно сюда.

Спустя полмесяца приготовления к переезду были в самом разгаре.

Генерал Цзянь Цяо с отрядом воинов первым отправился в Чэньлю, дабы разведать обстановку. Инспектор города, узнав, что к нему переезжает сам Великий ван, едва не лишился чувств от страха, но возразить не посмел — лишь выдавил из себя бледную улыбку.

На следующий день весть о том, что Чэньлю станет столицей вана, облетела весь город. Это было древнее поселение, где верховодили богатые кланы — не обязательно родовитые аристократы, но зачастую зажиточные выскочки.

Их реакция была ещё красноречивее: кто-то спешно собирал вещи, кто-то укреплял свои усадьбы, видя в Армии Чжэньбэй лишь свору голодных волков. Ничего не попишешь — Чэньлю лежала слишком близко к границам Юга. Власть сурового северного вана пугала их куда больше, чем призрачная надежда на спасение от рук южного двора.

Впрочем, южному двору сейчас было не до них. Известие о планах Цюй Юньме произвело в Цзиньлине эффект разорвавшейся бомбы. Сановники терялись в догадках: какую игру ведёт Великий ван? Неужто он передумал идти на Сяньби и решил обрушить свою мощь на них?!

Последние десять лет Южная Юн процветала лишь благодаря двум людям. Первым был Сунь Жэньлуань, наведший порядок внутри страны, вторым — Цюй Юньме, служивший им щитом и отвлекавший на себя всю ярость кочевников.

Они презирали вана и его воинов, при каждом удобном случае выказывая своё пренебрежение, но втайне сознавали: не будь Цюй Юньме, варвары Сяньби уже давно стояли бы на берегах Хуай.

Поэтому, даже когда ван прибрал к рукам весь Север, они хранили молчание, молчаливо признав его право на эти земли. Но амбиции не давали им покоя. Основатель Юн некогда объединил Север и Юг, и каждый, кто служил династии, мечтал о великом воссоединении. Жители Юга спали и видели, как бы вернуть себе северные провинции.

Они ждали момента, когда Цюй Юньме уйдёт войной на Сяньби, чтобы нанести удар в спину и запереть его армию в степях.

В истории так и случилось. Цюй Юньме, вернувшись из похода, обнаружил предательство и в ярости обрушился на Юг. И те никчёмные людишки не продержались и десяти дней, бежав обратно за реку Хуай.

Лишь иные обстоятельства отвлекли тогда вана, иначе бы он ворвался в императорский дворец гораздо раньше. Впрочем, разница была невелика — полгода спустя большинство из них всё равно пало от его руки.

Но будущего никто не знал. Сановники Юга тешили себя надеждами на «идеальный план», не понимая, какая муха укусила Цюй Юньме. Почему он, больше всех ненавидевший кочевников, вдруг изменил своим привычкам?

«Как же не вовремя... — роптали они. — Шёл бы ты мстить своим варварам, как и подобает...»

Пока окрестные земли бурлили от слухов, в Яньмэне царило деловое оживление. Цзянь Цяо, вернувшись, докладывал о своих наблюдениях. Гао Сюньчжи и Сяо Жун внимательно слушали, время от времени задавая вопросы.

— Нашлось ли подходящее место для постройки дворца? — осведомился канцлер.

Цзянь Цяо уже открыл рот, но Цюй Юньме перебил его: — Дворец — дело не первой срочности.

Сяо Жун поддержал его: — Государь — Великий ван Севера, и любое место, где он пребудет, можно именовать дворцом. Канцлеру не стоит сейчас тратить силы на стройку — впереди ещё много перемен. Возведём чертоги, когда в Поднебесной воцарится мир.

Гао Сюньчжи лишь вздохнул. — Хорошо. А есть ли достойное жилище для самого государя?

Цзянь Цяо, наконец дождавшись своей очереди, закивал: — Особняк бывшего губернатора Области Юйчжоу пустует. Есть ещё поместье одного титулованного хоу, которое ныне занял инспектор Чэньлю со своей семьёй.

— Вели ему убраться, — бросил Цюй Юньме.

— Будет исполнено.

Сяо Жун кивнул: — Пусть поместье хоу станет временной резиденцией вана, а особняк губернатора послужит для дел управления. Раз государь переезжает туда, прежний инспектор больше не нужен. В столице Великого вана не может быть простого инспектора — отныне эту должность следует именовать Интендантом Чэньлю.

Генерал Цзянь, мало смысливший в чинах, лишь удивлённо захлопал глазами, понимая только, что Сяо Жун только что лишил прежнего градоначальника власти. — И кто же займёт этот пост? — спросил он.

Цюй Юньме и Сяо Жун ответили в унисон: — Он. / Я.

Гао Сюньчжи и Цзянь Цяо застыли в изумлении.

Сяо Жун первым пришёл в себя и с улыбкой поклонился государю: — Благодарю Великого вана за доверие. Я уже собирался просить об этом назначении, но государь предвосхитил мои мысли. Будьте покойны: я превращу Чэньлю в самый процветающий и неприступный город Срединных Равнин.

Цюй Юньме лишь небрежно хмыкнул в ответ. Гао Сюньчжи посмотрел на юношу с некоторым смятением. Ему на миг показалось, будто перед его носом только что пронеслось нечто крайне аппетитное, чего он сам не успел ухватить.

Сяо Жун продолжил расспрашивать генерала: — Каковы силы в Чэньлю? Положение дел сильно запутано?

— Помимо инспектора, в городе заправляют несколько богатых кланов. Сдаётся мне, они не слишком-то рады вашему скорому прибытию, — ответил Цзянь Цяо.

Цюй Юньме недовольно прищурился. С каких это пор жалкие выскочки смеют указывать ему, где жить?

Сяо Жун же лишь рассмеялся: — Этого и следовало ожидать. Эти семьи поколениями живут в Чэньлю, их даже варвары не заставили уйти — видать, они срослись с этим городом намертво. Кто бы ни пришёл к власти, они будут недовольны, ибо мечтают вовсе не иметь над собой никакого начальства.

Гао Сюньчжи нахмурился: — Иные богатые кланы могут тягаться силой с именитыми родами, управлять ими — задача не из лёгких. Если ударить по ним — пострадает торговля, ведь всё в городе под их началом, а это грозит бунтом. Если же оставить их в покое — они вконец распояшутся.

— Всё так, — кивнул Сяо Жун. — Но у меня уже готов план. Этим людям нужны лишь деньги и покой. Великому вану как раз не хватает тех, кто умеет наживать богатство. Сейчас они боятся переезда, думая, что ван отберёт их прибыли. Но если они поймут, что под вашей защитой они заработают в разы больше — их настрой мгновенно изменится. Поверьте, канцлер: в этом мире нет бесполезных людей. Даже корыстный клан может стать острым клинком, направленным против высокомерной аристократии.

Договорив, Сяо Жун снова обратился к Цзянь Цяо: — Неужто в Чэньлю нет ни одного знатного рода?

— Есть два, — ответил тот, — но это лишь боковые ветви, не коренная знать.

Сяо Жун задумчиво прикрыл глаза. Боковые ветви... К ним нужен иной подход.

Гао Сюньчжи не ожидал, что Сяо Жун, сам будучи выходцем из знатной семьи, будет так легко рассуждать о борьбе с аристократией. Он уже хотел было расспросить юношу, но Цюй Юньме, который уже долгое время не мог вставить ни слова, внезапно громко закашлялся.

Оба советника тут же вскинули головы. — Что с Великим ваном? — обеспокоенно спросил Сяо Жун. — Неужто вы подхватили простуду?

Цюй Юньме почувствовал мгновенное облегчение. Он уже собирался небрежно бросить, что это пустяки, как вдруг в зал вбежал гвардеец.

Воин поклонился и, тяжело дыша, обратился к советнику: — Господин Сяо! Разведчики докладывают: обнаружены следы Сына Будды!

Сяо Жун мгновенно вскочил, лицо его просияло: — Неужели?! Скорее, где этот разведчик? Веди меня к нему!

Не теряя ни секунды, он стремительно направился к выходу, полы его одежд развевались на ходу. Было ясно — это известие захватило его целиком. Гао Сюньчжи и Цзянь Цяо проводили его взглядом, после чего одновременно обернулись к Великому вану.

Лицо Цюй Юньме потемнело от гнева.

«Опять этот Сын Будды!»

<http://bllate.org/book/15355/1420225>